

СТАРИННЫЙ ТЕАТР В РОССИИ XVII—XVIII ВВ.
Сборник статей под редакцией акад. В. Н. Перетца.
Труды Росс. инст. исст. искусств
«ACADEMIA»

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ
 ПЕТЕРБУРГ. 1923

ИЗ ИСТОРИИ ТЕАТРА В ТВЕРИ В XVIII ВЕКЕ

(Текст печатается без примечаний автора)

Связь школы и части литературы Московской Руси конца XVII и первой половины XVIII века с культурой южной Руси доказана уже многочисленными фактами. Эпоха, когда высшая великорусская иерархия, а по ее почину и корпорации духовных школ пополнялись главным образом питомцами южнорусских академий и коллегий, отразилась заметно в литературе, продолжавшей рядом с расцветающим классицизмом старую традицию школьных форм

поэзии. В области драмы, например, мы продолжаем наблюдать такую двойственность еще в Елизаветинскую эпоху. В то время как верхи культурного общества, следуя моде, увлекаются французским и итальянским театром, перевоспитывают свой художественный вкус на образцах классической трагедии, в тех уголках, куда не заходят веяния новой культуры, не только доживают старые памятники школьной драмы, но и создаются новые, целиком по-

вторяющие ее характерные приемы. Такие приемы старой культуры и литературы, стоявшие в стороне от новых запросов жизни, создавались в высшей и средней духовной школе, которая отошла временно на второй план при Петре Великом и его ближайших преемниках, но указом Анны Иоанновны в 1738 г. была снова оживлена: Синоду и епархиям в лице архиереев было предписано озаботиться учреждением семинарий для обучения «латинского, греческого

Ты прѣдѣм стал, кого задрал ¹⁾ разсуди хоть мало?
 На персіянь поднимать брань тебѣ ли пристало?

Александръ.

Сколь ты чудень неразумень, хотя старѣи там.
 Грозишь мины безъ отъмны напрасно словами.
 Вели воемъ Марса боемъ ²⁾ Македонъ задорить,
 Полно грозить, слова страшить, дѣлом начни спорить.
 Или стройно и спокойно пусть ружью положить.
 Мечъ изощренъ обоюдень ³⁾ мирно ⁴⁾ в ножны

вложат.

Сам корону Македону скипетр и державу
 Отда[ждь] ⁵⁾ дружно и без[м]ужно ⁶⁾ персидскую
 славу.

[Брань начинается] ⁷⁾

Дарій.

На твой увѣтъ сей дать отвѣтъ храбрость понуждаетъ.
 Марс пусть гремитъ, ружье звенит и брань
 начинается..

Александръ ¹⁾ по брани ²⁾

Сам пожелал, но пад не встал по побѣдной брани.
 Сам мечъ мпалѣм, чѣм ³⁾ желал мнѣ наложить раны.
 Хотя странн[ы] ⁴⁾ и пространн[ы] ⁵⁾ грозил ⁶⁾ на мя
⁷⁾ мины,
 Имѣть хотѣлъ ⁸⁾, но не успѣлъ въ вѣчной мене ⁹⁾ плѣни,
 Но тѣ виды и обиды вовся забываю,
 Пирамиду за побѣду въ чин[у] ¹⁰⁾ поставляю.
 Лявръ зелены безъ отъмны зѣда процѣтаеть,
 А сверхъ лявра Александра имя да сияеть.
 Удивленно ежедневно во вѣкъ в подсолнечной
 Сей то сигналъ твердо ужъ стал славы моей въ чной.

ИНТЕРЛЮДИУМЪ 2. ¹¹⁾

Поп.

Куды какая бѣда, чево мы дождали,
 Чево наши праотцы и отцы не знали.
 Везде проклята ересь латынь размножилась,
 Котора прежде сего намъ свѣтом не снилась.
 Только что в восьми лѣтахъ малчику женитца,
 А тутъ в семинаріи принужденъ учитца.

Грешно врать, что латынь нас на худость учить,
 Но много и Бога знать ужъ намъ и наскучить.
 Прежде мы и безъ тово хлебъ и щи едали,

и если возможно, и еврейского языка», начав от грамматики даже до риторики, философии и богословия и для того собрать искуснейших учителей и монахов и светских». 1). Руководствуясь этим указом, вновь назначенный в Тверь епископ Митрофан Слотвинский, воспитанник Киевской академии, префект, а потом ректор Харьковского коллегиума, с 1737 г. ректор Московской академии, 16 февраля 1739 г. преобразовал Тверскую епархиальную школу в семинарию (Колосов, с. 44, 49). Пользуясь своим влиятельным положением в Синоде, еп. Митрофан не только приглашал, но иногда прямо вытребовывал преподавателей из Киева; поэтому уже с первого дня существования Тверской семинарии мы встречаем в ней учителей-киевлян. Начиная с 1740-го до 1748 г.

наиболее важные для литературного развития учащихся кафедры пиитики и риторики занимают один за другим ряд питомцев Киевской академии и Харьковского коллегиума. 2). С 1748 г. прекращаются вызовы преподавателей с юга, и кафедра пиитики переходит в руки учителя из тверских семинаристов — Семена Алексеева (К., с. 399). Такая перемена произошла по совершенно случайной причине: в 1748 г. еп. Митрофан был уволен от присутствия в Синоде, и вот все «подневольно вытребованные» его указами южане воспользовались первым удобным случаем, чтобы вернуться на родину (К., с. 68). В жизни

На острове при впадении в Волгу реки Тьмаки, на котором располагались Федоровский монастырь и первый театр города при Тверской семинарии (1745 г.), ныне воздвигнут (2002 г.) храм Михаила Тверского

Лапти новы носили, брашки попивали.
На что много знать Бога, толко помолитя.
Мощно везд , где пойдешь, до п'яна упитяся.
Ето я к вамъ говорю. Полно ль вы внушили?

Д ти.

Сладки твои слова нас весма умилили.

Поп.

Куды какъ ети малцы смысленно говорятъ.
Блаженные т д ти, что отцу не спорят.
Пока еще молоды вы ум ти.

Д ти.

Не отче ли нашъ?

Поп.

Что ты болтаешъ тавл ю?

Я и самъ в ть от роду ето не ум ю.
Громко свистать и плясать и как волки п ти —
Етово то я училь давно вас ум ти.

Д ти.

Мы охотно желаемъ от тебя поняти.

Поп.

Полно врать.

Д ти.

Нетъ, в правду изволиш начати.

Попъ.

Дьячекъ, а д'ячекъ, что ты не веселы?
Заиграй ко намъ в рыл , пусть попляшут малы.

Д ти.

Батюшко, вить приехал приставъ за тобою.

Попъ.

Ахти, какая б да! Гд закром с мукою?

Пристав.

Бачка, здаровъ живеши. Не здесь ли ты заспалъ?

Попъ.

Провались ты, прокляты! Я на блины муки бралъ.

Пристав.

Здесь чертъ сид лъ, а не попъ, или дика кошка,
Или какая баба белилась тверская ...

(л. 81 об.)

ЯВЛЕНИЕ IV¹⁾.
Александръ.

Тверской семинарии наступил новый период, когда пришлось вести дело со своими «природными» учителями, а они еще не были подготовлены в достаточном количестве (К., с. 69). Итак, до 1748 г. Тверская семинария находилась в довольно благоприятных условиях для надлежащей организации в ней преподавания. Из этого периода ее истории до нас дошло четыре латинских учебника пиитики и один переведенный с греческого языка, ряд учебников риторики; семинарская библиотека в эти годы пополняется разнообразными книгами на латинском, белорусском и польском языках (К., с. 105). Первые преподаватели Тверской семинарии — воспитанники Киевской академии — перенесли ее строй и порядки в новую школу. Их учебники стоят в прямой зависимости от киев-

ских школьных руководств. Подобно своим южным оригиналам, и тверские пиитики уделяют много внимания описанию видов драматической поэзии, которая изучалась здесь не только теоретически: если до сих пор историки старинного русского театра не включали в число провинциальных школьных сцен тверскую, то теперь есть факты, определенно указывающие на наличие драматических представлений в Тверской семинарии.

В рукописном сборнике половины XVIII в., принадлежащем ак. В. Н. Перетцу, рядом с сатирами Кантемира и рифмованными жартами помещена пьеса под заглавием «Диалог в тверской семинарии бывый июля 8 дня». Отрывок той же пьесы, но без заглавия, находится в рукописи Москов. историч. музея

№1780 XVIII в., где сохранились четыре явления и три интермедии между ними, отсутствующие в полном списке. В общем, менее исправный Московский список все же дает в некоторых случаях возможность объяснить явно ошибочные чтения списка П. Этот «Диалог», представляющий собою пьесу в семи явлениях с интермедиями и балетом в конце, снабжен в обоих списках ремарками, указывающими на сценическую постановку. Из того же тверского школьного театра вышла и другая пьеса, о которой у меня имеется лишь краткое письменное сообщение библиотекаря Загребского университета д-ра И. Бадалича. По его словам, в Загребском университете есть рукописный сборник русских пьес Петровского и Елизаветинского времени, среди которых одна носит за-

Коль знатны были герои исконы,
Марсы храбрейши, премудры Беллионы.
Но [ни] ¹⁾ единъ с них по себ остави

Безсмертной славы.

Всех суть имена в чѣх заглажденны,
Аще и были в свой в кѣх несравненны.
Но были ²⁾ то [кмо] ³⁾. Азь недоумъ ваю,

Тѣм утверждаю,

Что ни единъ с них в чности махину
Воздвигль по себ неподвижну выну.

[Мене] ⁴⁾ едина великаго дѣлы

Гремит свѣтъ дѣлы.

⁵⁾ Всѣмъ будетъ в примѣрь сей колось побѣдны,

В вѣчные роды первы к послѣдны.

Отсель прославит дѣла моя чудн(а) ⁶⁾

Слава стотрубна.

Азь в кѣх вселенной возвратих Сатурна,

Азь свѣтло ведро, гдѣ прежде пасмурна

Была погода, скоро привѣл в диво

Толь смотриливо.

Меркурій.

Что на колпомню смотришь всепрілжно?

Александръ.

Всякъ, кто ни узритъ, вперить глаз несѣжно.

Меркурій.

И что зѣдъ чудно, что ти всепріятно?

Александръ.

Имя ми внятно.

Меркурій.

И кое имя, развѣ не обычно?

Александръ.

Мне единому природно прилично.

Меркурій.

Что жъ столь прилжно смотришь, недо[у]м[ю] ¹⁾?

Александръ.

Азь ти открыю.

Прочтох анналы знатнѣйшихъ героевъ,
Мудрыхъ монарховъ, и прехрабрыхъ воевъ,
(л. 82) Но славу, ею жъ свѣтъ свой удивили,

Парки покрыли.

И моя дѣйства разеуждалъ обычно,

Умыслих средство, в чности прилично,

Чим Александръ будетъ добротъ в диво

Зерцало живо.

И то ми будетъ вѣчная отрада.

главие: «Синописи, или Краткое видение декламации высочайшему дню рождения ея Императорскаго величества восписанной 1745 году месяца февраля... дня в присутствии преосвященнаго Митрофана архиепископа Тверскаго и Кашинскаго от семинарии Тверской в двоихъ действияхъ изображенной». «Это интересный и весьма литературный панегирикъ съ оригинальнымъ «баллетомъ двенадцати месяцевъ» въ конце драмы» — так характеризует пьесу г. Бадалич.

Итак, рукописный материал указывает на сценические постановки типа диалога и декламации в Тверской семинарии. Под этим именем пиитики XVII—XVIII вв. разумели разновидности школьных драматических представлений, существовавшие наряду с правильными пятиакт-

ными трагедиями, комедиями и драмами. Часть теоретиков школьной драмы не различает этих терминов, употребляя их как синонимы, но иногда мы находим в пиитиках разграничение этих понятий. Так, в одной польско-иезуитской пиитике конца XVII в. мы читаем такое определение диалога: «Диалог есть драма по большей части в прозе, состоящая в обмене двух или более лиц вопросами и ответами о делах общественных и частных, а также театральных после Лукиана без сценической обстановки и без употребления большого количества поэтического вымысла». Что же касается декламаций, то в пиитиках этот термин обозначает «не литературный жанр, а известного рода школьную церемонию при участии учащихся и учащих; на практике же термин этот употреб-

лялся также в применении и к самым произведениям, предназначенным для исполнения во время этой церемонии». Декламация, как церемония, могла состоять в исполнении прозаических или стихотворных произведений разнообразной литературной формы (речи, поэмы, оды, элегии), иногда в сценической обстановке и соответствующих костюмах; порою для декламации служили небольшие драматические представления упрощенной формы (ib., с. 39-40). О последнем типе декламаций пиитики дают такие указания: они «могут до известной степени упрощаться одной частью драмы, по виду равняться одному акту, разделенному на сцены или выходы» (ib., с. 6). Характеризуя более подробно подобный вид декламаций, пиитика указывает, что они могут делиться на

От момовъ злбныхъ твердая ограда.
Ни пепель смерти во в ки покрыеть,
Ни злоба скрыеть.

Меркурій.

Кими заслуги ты от всихъ отн(н)ы. ²⁾

Александрь.

Того изреци подробну никто же
Никакъ не може.

Меркурій.

Повеждь ми, да впредь сумниться оставлю.

Александрь.

Внуши, представлю.

Фамиліи древнихъ от в къ благородны,
В кровъ царской сынъ порфирородны
Престол по отцъ млад приєм насл дны
Быхъ всепоб дны.

Поб дих Персовъ, Азію жестоку,
Каппадокію, Армянъ на востоку,
Тавръ, Кавказъ, Бактръ съ всюду прошедь сквозъ,
Подвергъ под нозъ.

Гд ни обратихъ умныя зеницы,
Гд ни распротр хъ победной десницы,
Вездъ возрасли лявры мене всл ды,

Везде поб ды.

Кипиль океанъ, дрожали Нептуны,
Зря мя плывуща в конвахъ фортуны.
Геллеспонтъ прошедь путь моря немалы,
Чужды п чали.

Меркурій.

(л. 82 ¹⁾ Знатныя труды твои и не малы,
об.) Но еще того ни мало достали,
Еже б в чность заслужили титлу,
Безсмертну, ²⁾ св тлу.
Мнишь ли, ³⁾ что стали ⁴⁾ вв къ быть неподвижны?
Умъ твой пернаты и скоропостижны
Не постигль, что кто зд в чность вымышляет,
Себъ прелщаетъ.
Многя древность постав[и] ⁵⁾ коломны,
Но сокрушиша гром[ы] ⁶⁾ и ветръ бурны,
Т [хъ] ⁷⁾ же и твоей дожждать пирамид
Б д по поб д.

Александрь.

Ахъ, какъ прелети мя в чность толь гонима,
Слава мн ніем от в къ невредима.
К чему I) толь нужны труды под'я [хъ] ²⁾ соты
Горькими поты.
Нын мнимую славу оставляю,

три части: «приступ, обработку самого предмета, избранного для декламации, и эпилог». Приступ рекомендуется строить по тем же правилам, которые вообще относятся к прологу каждого драматического произведения — типы таких прологов были достаточно разнообразны. Декламация должна заканчиваться эпилогом, представляющим речи или стихи, соответствующие сюжету.

По-видимому, для декламации такого рода предназначался и тверской диалог, который по общему характеру примыкает и к другой разновидности школьной драмы — к панегирическим пьесам, особенно популярным у нас в Елизаветинскую эпоху. Восшествие на престол дочери Петра Великого пробудило воспоминания о его царствовании, вызвало у многих надежды на продолжение

его начинаний, отсюда и панегиристы Елизаветы Петровны так часто обращаются мыслью к образу ее отца, и порою трудно бывает даже сказать, что служит ближайшей задачей поэта — воспеть ли самое императрицу или воздать славу прошлому в лице Петра Великого. Повод к воспоминаниям о нем давало и то обстоятельство, что наследником был объявлен тезоименный ему Петр Федорович.

Яркий пример того, как имя наследника Елизаветы давало повод к панегирикам в честь его деда, представляет и интересующий нас тверской диалог. Эта пьеса дошла до нас в не вполне исправном виде; в той части ее, которая сохранилась в двух списках, при помощи взаимной проверки иногда удается с большой вероятностью восстановить правиль-

ное чтение; там, где имеется только чтение сп. П, приходится довольствоваться более или менее убедительными догадками. Все исправления внесены мною с соответствующими отметками в издание: эти поправки учитывают не только требования смысла, но и стиха, и рифмы.

Как уже было отмечено, тверской диалог примыкает по основной тенденции к панегирическим пьесам Елизаветинского времени и представляет в сущности скорее панегирик Петру Великому, чем его дочери или внуку. Центральная идея, которую развивает автор диалога, выражена здесь в словах Меркурия, беседующего с Александром Македонским: «Знатного лица имя не умирает, Егда на многих тожде почивает Ему наследных, скипетродержавных, Делы преславных» (л. 82 об.).

И есть ли в свѣтѣ не [доу] мѣ ваю ³⁾
Имя безсмертно?

Меркурій.

Повѣ мѣ ти, бо нужно,
Хоть недосужно.

Знатнаго лица имя не [в]мирает ⁴⁾
Егда на многих тожде спочиваетъ ⁵⁾
Ему наслѣдных, скипетродержавных,
Дѣлы преславных.

Но виждь то, что хоть ⁶⁾ и слава въ ка,
Гробъ ты какъ проста скр[ы]етъ ⁷⁾ челѣв ка,
Зане не имашь тезоименита

Въ чныя лѣта.

Александрь.

Развѣ [бы] ⁸⁾ былъ с камны [выкутъ] ⁹⁾ и стали ¹⁰⁾,
[Кто] ¹¹⁾ б не востог[налъ] ¹²⁾ зря мо[я] ¹³⁾ и чали.
Обаче сія токмо мнѣ отрада,

Что ты мя съ ¹⁴⁾ млада.

Не допустил болш[е] ¹⁾ умствовать высоко
И мысль в суетѣ упирать глубоко.
Пусть помрачатся вся мо[я] ²⁾ естимы ³⁾

Съ ⁴⁾ глазами сими.

ИНТЕРЛЮДИУМЪ ТРЕТИЕ ⁵⁾

Посацкой.

Какъ бы не обмочитца?

Слуга.

Не бойся, здѣ сухо.

Посацкой.

Еко проклято пиво: раздуло мнѣ брюхо,
Что и свѣтъ мнѣ нитя мнѣ и пунь пред очами.

Слуга.

Напрено ты его жралъ большими ковшами.

Посацкой.

Что ты, плутъ, меня учишь? Я вѣтъ не впервые
Трипудное жрал пиво, случ[а]лось ⁷⁾ и вдвое
Етово пить, но етак первое случися.
Пять ведеръ я выпил вдругъ, а болш чуть мог
обмочится.

Ахъ, какая беда! Чуть всего не раздуетъ,
Что и глаза мнѣ наверхъ и душу вонъ суетъ.

Полно мнѣ, дружекъ мои, соленьихъ сазановъ
Кушать, кто запивать ѣлымъ вдругъ куганом.
Слышу я, что во мнѣ жаръ горит, какъ во адѣ.

Здесь заключается то обобщение частного случая — имя Петра Великого бессмертно потому, что он имеет тезоименного наследника — которое, согласно наставлениям пиитик, драматург должен сделать, избравши себе тему. В общих чертах развитие этой темы идет по такому плану: пьеса состоит из одного действия, разделенного на семь явлений (см. выше определение декламаций), которые содержат приступ, изложение и эпилог.

Первые четыре явления представляют пролог, где с помощью исторического примера автор подходит к развитию самой темы; действующие лица этого пролога в дальнейшем не появляются. В 1-м явлении Филипп Македонский жалуется на жестокую фортуна, которая не дала ему сына- наследника. По совету ми-

нистра он призывает жреца, который утешает его, предсказывая рождение сына Александра. Во 2-м явлении выходит Александр, рассуждающий о непостоянстве земных утех. Он твердо решил, «аще и млад лета, прославить имя мое в веки многолетним» (л. 80). По совету министра, он решает начать с этой целью войну и посылает «куриеры» к Дарию.

3-е явление начинается ремаркой: «Выходит войско Александрово и Дариево, ссорящееся между собой». Перед этими войсками происходит диалог Александра с Дарием, изумленным смелостью юноши. Затем «брань начинается», а «по брани» победитель Александр великодушно прощает Дария:

«Те виды и обиды вовся забываю;
Пирамиду за победу вечну поставляю».

4-е явление — беседа Александра

с Меркурием о бессмертии. Меркурий разбивает его веру в то, что пирамида увековечит его имя, и Александр разочарованно спрашивает: «Есть ли в свете, недоумеваю, имя бессмертно?» Меркурий отвечает ему основной идеей пьесы о бессмертии того, кто имеет тезоименного наследника.

Следующее явление — центральная часть пьесы — доказывает эту идею на примере Петра Великого и его внука. Здесь выступают действующими лицами Смерть и Вечность. Смерть говорит на популярный в русской литературе до самого XVIII века мотив о подвластности ей всего на земле. Вечность возражает, что есть имя, над которым смерть не имеет власти, — это имя Петра Великого. Смерть напрасно вписала его в свои книги, потому что храбрость

Не можно ль ти лду сыскать хоть мало в поса́д ?
И лед не пособляеть, чут ли мн́ здесь не умереть.

Слуга.

Отца ли к теб́ духовного призвать не вел́ть?

Посацкой.

Какихъ ты зд́ хошь поповъ, ветъ все нововерцы!..1)

ЯВЛЕНИЕ V. 2)

[Ля]хеза 3) или Смерть.

Принудиша мя спешно на сей св́ть предстати
Умъ, сердце чело́в че, мысли непоняты.

(л.83) Непоняты, зане, что и помыслить трудно,
Желаеть получитьи св́ть малоразсудно.

В е́м, что с́я обемлетъ зрима подсолнечна,
Вси мн́ предлежаща суть, нет ничего в́чна.

Того, для на порфирном солнце родить лон[ ]¹⁾
Денница, ²⁾ дабы егда огненные кони,
Прегнаны черезъ полудень в запад уныла

Зраком т́мным черна ночь лучи покрыла.
Того для ель высока и лявря по́б ды
Знак всю зиму и л́то зелеными виды
Очи вс́е лять и стенъ пода(ю)ть³⁾ пространно,
Дабы топором громким пали нечаянно.
Все же то по естествод́ется обычно.,
Зане вс́, что родится, не може быть в́чно.
На св́т смерти виды вовся позабывшие,
Мертвенни чело́в цы мнятъ, чтоб быти свышше,
Мнятъ знат́йши имена мн́ бытъ неподчинны.
Ахъ, какъ мысли высоких и предивны!
Но всеу завидные толь щаст́ю неба.
Кая вамъ во в́чности на земли потреба?

В́чность.

Что дерско укоряешь земныя уставы?

Смерть.

Резонно укоряю, зане суть неправы.

В́чность.

Что видиши неправо, что столько грозиши?
И что ты так с́п сиво толь о себ́ мниши?

Смерть.

Обиду несносу от земных им ю,
Зане то ми отемпют, чим всегда влад́ю.

Марсову и имя Петрово унаследовал его внук. Смерть сдается на эти доводы:

«Еди́но ми имя́ Петр будет незнакомо,

Но в вечности анналах будет всегда чтомо».

6-е и 7-е явления, наполненные хвалебными речами по адресу Петра Великого, Елизаветы и Петра Федоровича, составляют эпилог. В 6-м явл. Паллада противопоставляет бедствия России до Петра и ее славу и процветание под его властью. Вступающей с ней в разговор Славе Паллада выражает надежду, что дни Петра воскреснут при его внуке. В 7-м явл. в речах Благочестия, Марса, Паллады, Любви, Правды и Надежды, выступающих по очереди, прославление Петра сплетается с пожеланиями увидеть продолже-

ние его дел под скипетром Елизаветы и ее наследника.

Между явлениями пьесы исполнялись интермедии, из которых сохранилось только три в списке М. Они написаны, в отличие от диалогов, правильным великорусским наречием, а первая притом — с ярко выраженным аканьем. В тринадцатисложный силлабический стих облечено здесь сатирическое, в духе Кантемира, изображение подьячего, жалующегося на плохие доходы и зоркость судей; попа, недовольного приказом отдавать детей в семинарию (см. развитие той же темы в интермедии, изданной Тихонравовым, Летописи рус. литер. и древн. 3, с. 48), и, наконец, пьяного посадского. После пьесы исполнялся, видимо, примитивный балет, судя по латинской ремарке в конце списка П:

«Interea resonantibus lyris atque musico apparatus accurate peragitur saltus».

Таков в общих чертах состав той торжественной школьной декламации, которая была поставлена в Тверской семинарии 8 июля неизвестного года. Ремарки указывают именно на торжественную декламацию, так как только эти церемонии исполнялись в сценической обстановке. Пьесы для них, согласно школьным правилам, должны были сочинять преподаватели пиитики, и это обстоятельство дает нам руководящую нить в поисках ответа, когда и кем мог быть написан тверской диалог.

Обращаясь к внешней форме диалогов, мы видим, что автор его, хотя и не одаренный поэтическим талантом, хорошо усвоил техническую сторону дела. Основная идея разви-

В чность.

И чим так необычну слышу обидиму?
Мню тя больше завистию и гн вом палиму.

Смерть.

Многим знатным имя смерть в чная обида,
И т м и безсмертным мнят. То ли не обида?
(Л. 83 об.) Наипаче досадно, что тысящны анналы
Имен м имам знатн йшим полны и не малы.
Не было, несть и не будет имя подсолнечно,
Еже б аз пропустила съ книги сея в чно.

В чность.

Летишь себя т м мн нием, зпавистно Ляхезо,
Ненавидя в чности горькая до слезо.
Будто бы ты вся знатна имена им ла
В твоей власти. Ахти, как завистию см ла!

Смерть.

От в ка неслыханным хочешь мя престити
И правду неправдою тчишься уличити.

В чность.

Аще ты сумнишися, как я прим чаю,
Се живо безсмертием имя представляю,
На н м же не имашь ты власти, ни им ла,
Азь е в в чныя книги записать в л ла,
С них же во в к не имать быти заглаждено:

Имя Петръ, св ту знатно, имя торжетвенно.

Смерть.

Большаго азь им н м, д лы несравненна,
Не в м кроме Россii Петра незабвенна.
Но и того заглажден день тезоим нитства,
Бо е не услышишь ему много л тетва.
Азь бо его имя в мои календары.
Вписях между герои знатные и стары.
Генваря в дватцать осмой храбра кавал ра
В с мсот дватцать пятом, се видима в ра.

В чность.

Из словъ и д л признаю дерзость твою многу,
Рассуждение бедно, мысль вовся убогу.
Какъ см ло поступила, вписала напрасно
Имя и день безсмертно, как ты не опасно,
Год зане траура был и скорби виною,
Я т бе уступаю, пускай пред тобою.
Но имя и день Петровъ во в ке незаглаждены,
Съ моих будет реестров день тот торжественны.
Зане храбрость Марсову, премудрое слово
Внук Петра, вчюх, насл дил и имя Петрово.
В н м вся доброд тели, св ту знатны, д да,
В ра, ревность по Боз милостива взгляда.
Т ми стар добротам, аще б и млад л ты,
Безсмертия Петрова являет прим ты.

Петръ имя безсмертия, в чна пирамида,
Непресечна Россii слава и поб да.

вается логически стройно и последовательно, стихотворные размеры, довольно разнообразные, хорошо выдержаны; диалог украшен и историческим, и мифологическим, и аллегорическим элементами — словом, использованы все те средства, которые рекомендовали современные автору пиитики. Видна опытная рука преподавателя, а не начинающего ученика.

К тому же выводу направляет нас и более детальный анализ языка пьесы. Прежде всего бросается в глаза большое число типично украинских рифм: у нашего автора постоянно рифмуют — и, ы — и: сл̑ды; поб̑ды и пирамиды; св̑ тлу — титлду; Нев̑ сту Христу в̑ чно — обычно и т. д.; бра̑ни — страны; остави — славы; мати — златы; вьно — Россию и т. д. Кроме того, размер стиха показывает, что

слова «умирает», «удивила» произносились автором с «у» неслоговым (отсюда в сп. М написание «вдивила»), добавим редкие словарные украинизмы — «як», «конвы», «неомильно» — и мы увидим, что по языку тверской диалог не отличается от других драматических произведений, написанных авторами-украинцами в Великороссии. Это тот же славянорусский литературный язык с примесью однообразных, преимущественно фонетических украинизмов, который мы находим и в тверских пиитиках, составленных во время работы в Тверской семинарии киевлян, и в одном любопытном стихотворении, восхваляющем тверскую школу и ее устроителя епископа Митрофана. Эта ода по языку чрезвычайно напоминает наш диалог даже отдельными выражениями —

«имаш без скуки», «вчуд», а также ссылкой на Петра Великого как на инициатора в насаждении наук. Видимо, это стихотворение вышло из среды тех же преподавателей-киевлян. Привожу его, как небезынтересный факт, характеризующий ту обстановку, в какой появилась наша пьеса. (Рукоп. Тверского музея № 153 (4223), л. 10 об-11).

Яви град Тфер лице красно,
Возгрём весело, пой весело-
гласно,
Что столь многоплодни в теб̑ сво-
бодни
Цв̑ тут науки (2).
Столь теб̑ в̑ чн̑ полезн̑ .
Сколь отцу в̑с х̑ благ̑ любезный,
Пой сердцем играя, что т̑ м̑ вся
благая
Имаш без скуки (2). Т̑ м̑ в̑ р̑ бу-
деш твердый.

Смерть.

Дивны промысл̑ Вышняго о теб̑ , Россіе,
Кто теб̑ в̑ подсолнечной сравнится см̑ е?
Безмертная щастіем, в̑ чная монархи,
Иже во бра̑н х̑ герои, в̑ м̑р̑ Аристархи.
Аще б̑ брань тверд̑ йша была паче стали,
Не можеть ти нанести в̑ род годов̑ п̑ чали.
Едино ми имя Петръ будеть незнакомо,
Но в̑ в̑ чности анналах̑ будеть всегда чтомо.
Пріми, смажи имя Петръ с̑ мои тетрати
Лучшаго свидетельства, лутшой̑ в̑ ры ради.

В̑ чность.

Так да будут̑ с̑ книг̑ в̑ чныхвси врази Петровы
Заглаженны, желаю и сердц̑ м̑ [и] ¹⁾) слова.

(л. 84)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Палляда.

Сколь постижны ум̑ подвижны имам и готовы
Вся украсить, в̑с х̑ удивить р̑ чію и слова.
Проидох̑ ц̑ ль св̑ ть, стран̑ почти неть, гд̑ б̑ я не
бывала,
Постизая, разсуждая щастія не мала.
Но Россіи монархіи щастіе столь ново,
Еже сказать, в̑ тонкость понять недоволенно слово.

Т̑ м̑ болш̑ ново, бо Петрово имя отродило,
Вдруг̑ нетайно, чрезвычайно ц̑ ль св̑ ть удивило.
Д̑ ла б̑ дня всепос̑ дня чр̑ з̑ л̑ та немалы,
В бра̑н х̑ уронь, со в̑с х̑ сторонь тер̑ ла п̑ чали.
Но вдруг̑ ожить и ощутил̑ храбрость Марсь
Петрову,
Гд̑ ни зв̑ н̑ л, всегда им̑ ль поб̑ ду готову.
Кто бы пом̑ л, что с̑ в̑с х̑ пр̑ д̑ л̑ св̑ та, гд̑ герои
Македоны и Сампсоны в̑ бра̑н х̑ и покои.
До Петра дни были странны в̑ Россіи науки,
В Петра годы искусств̑ роды всяк̑ имать без скуки.
Были дики там фабрики и заводов̑ мало,
Чисто злато столь богато ц̑ ну потеряло.
Петръ удивил̑, егда открыл̑, подземны проходы,
Для транспортов̑ разных сортов̑ провел̑ везд̑
воды.
Петром̑ слишше ума свыше Россія прослави,
Бог̑ неоскудно понять трудно т̑ м̑ с̑ т̑ не остави,
Им̑ н̑ м̑ Петръ россов̑ скипетръ будет̑ неподвижны.
Сколь Бог̑ щедро доброт̑ ведро им[ать] ¹⁾)
непостижны.

Тому довод, что Петров̑ родь и семья блаженно,
Св̑ ту гласно, врагом̑ страсно имя несравненно.

Благочестно добросердый
 Т м вертограды прославять ты
 грады

Вдруг все окружный (2), Зря ты
 прежде бывша мрачна,

Нын вчуд ученми зрачна.

Вознесут глас чудный, зря в теб
 нескудный

Св т в час всенужный (2). Толи-
 ких благ им й

вину

Митрофана за притчину,

Пастыря бодр йша, в теб гор-
 лив йша,

Онъ то всеприл жный (2) На
 Регламент Петровом

Насади д лом и словом

Учений вертограды церкви ползы
 ради

В к недвижимый (2).

Итак язык пьесы добавляет одну
 очень существенную черту к харак-

теристике неизвестного автора диа-
 лога: он был украинец. Историчес-
 кие справки показали нам, что пи-
 томцы Киевской Академии между
 1740—1748 гг. занимали кафедру
 пиитики в Тверской семинарии.
 Очевидно, среди них и следует ис-
 кать автора диалога. Хронологичес-
 кие данные для датировки пьесы
 идут навстречу этому предположе-
 нию. Пьеса относится ко времени не
 ранее 7 ноября 1742 г., когда Петр
 Федорович был объявлен наследни-
 ком престола. Один намек в пьесе
 дает некоторое основание для еще
 более точной датировки: в последнем
 явлении Благочестие, прославляя
 императрицу, говорит:

«Аще и востали на мя моя чада,

Новии Аввакумцы, рожденны из
 ада,

Благочестие везде нерастленно

Будет зажженно.

Тщанием Петра и Елисаветы

Вскоре престанет раскол всеви-
 репы.

Рассеют вовся вредныя раздоры
 Святых Соборы».

Кто эти «новии Аввакумцы»,
 о которых здесь идет речь? Возмож-
 но, что это намек на хлыстовщину,
 дело о которой возникло в 1744 г.
 В начале 1745 г. Синодом была уч-
 реждена в Москве особая комиссия
 из шести лиц, которая до 1752 г. ве-
 ла следственное дело об этой секте.

Возможно, что обострившимся
 в это время интересом общества
 к борьбе с хлыстовщиной, все более
 и более распространявшейся, вызван
 и указанный намек в пьесе, — тогда
 появление диалога отодвигается ко
 времени не ранее 1745 года. К по-
 следней дате ведет нас и еще одно со-

(л. 84 об) Зависть злобна беззутробна внутрь сердце
 сн даеть,

Что Петра дни, св ту чудны, в ну́к при́м чаеть,

Сие ц ло россовъ д ло столко л ть желаю

В лиц явить, св ть удивить, но как бы не знаю.

В м, что гласна, безоопасна труба про́л тела,

Вид[аль] ¹⁾ ц ль св ть за столко л ть вселенну
 вдивила.

Но не видалъ св ть, как насталь гласъ то бытъ
 неложны,

В самом д ле во всей сил какъ бы бытъ возможны.

Слава.

Мысль несм жно, умъ прил жно в что ты упираешъ?

Д ло чудно, лоботрудно кое разсуждаешъ?

Д ло тайно, чрезвычайно мысль твоя являеть.

Что пречудно, неоскудно св ту об щаеть?

Палляда.

Подлинно такъ, признаеть всякъ д ло быть высоко,
 Еже вн млю и обемлю мыслию глубоко.

Слава.

Повеждъ, молло, предо мною слова хотя кратки,

Что им ла, сего д ла кие суть начатки?

Палляда.

Что къ поб ды виды России преславны,
 В часъ щасливъ Петръ его живъ, Петръ то
 вседержавны.

Т м Россія дни благія, дни златаго в ка
 Умашенны, упоенны от меда и млека,
 Убо желлах и разсуждах, как бы пред вс м св том.
 Вчудъ, явити представити съ должным е прив том.
 Смотр ливо, прозорливо им х на то око.
 Мысль разсудну, неоскудну простирах широко.
 Но все праздно, хоть и разно мн ниём бывает.
 Мысль над жна, всемятежна мало усй ваеть.

Слава.

Я не см ю, ни довл ю на то отв чати,
 Сама полна и доволна ныши й благодати.
 (л. 85) Аще можно неотложно, даждь ми сов ть
 дружны.

Палляда.

За [вся] ¹⁾ сии во России суть сов ты нужны.

Слава.

В м, что нужны и услужны, но я не довл ю
 Того сказать и учреждать свыше силъ не см ю.

Палляда.

Нестъ свыше силъ земных с вс х д л сочинити планы,

ображение. Было указано уже, что по общему характеру тверской диалог примыкает к панегирическим пьесам Елизаветинской эпохи, так часто переходившим от прославления императрицы к похвалам ее знаменитому отцу. Ближе всматриваясь в эту литературу, мы замечаем, что одна из пьес, — именно поставленная в Киеве 5 сентября 1744 г. драма Козачинского «Благоутробие Марка Аврелия», — как по общему замыслу, так и по некоторым деталям композиции теснее других связана с тверским диалогом. Козачинский, как и наш автор, развивает мысль о возвращении славных дней Петра Великого под скипетром его дочери и тезоименного внука. В обеих пьесах пролог представляет особую, как бы вступительную драму, ничем, кроме идеи, с дальнейшим не связанную;

эпизоды строятся из речей аллегорических фигур; обе пьесы заканчивались балетом; оба автора обнаруживают особую склонность к двойному леонинскому стиху. Конечно, при скромных технических средствах, которыми владела молодая еще Тверская семинария, автор не мог развернуть свой панегирик в такое пышное представление, каким встретил Киев 5 сентября 1744 г. посетившую его Елизавету Петровну. Козачинский использовал все средства, к каким прибегали *ludi caesarei* для большего эффекта; наш автор, как бы вдохновившись этим богатым представлением, воспроизвел его основную мысль в более скромных формах, какие были доступны тогдашней тверской школе.

Кто же мог принести в далекую Тверь воспоминание о блестящем

празднике, устроенном в честь Елизаветы Петровны киевлянами? Как раз к началу 1745 учебного года из Киевской Академии вызывается в Тверь для занятия кафедры пиитики питомец этой школы Иван Лятошевич. Он преподавал в Тверской семинарии до 1748 г.; за эти годы, вероятно, им же составлено два учебника пиитики, в которых примеры своим языком, как и в нашей пьесе, выдают автора-южанина. Само собой является предположение: не им ли был написан и тверской диалог? Уехавши из Киева под свежим еще впечатлением от пьесы Козачинского, Лятошевич мог вспомнить ее, когда по обязанности преподавателя пиитики он должен был дать материал для торжественной школьной декламации.

Наконец последний факт, под-

Дабы сѣ т зналъ и примѣ чал, что суть Россіяны.

Слава.

Я доношу, толко прошу то внять милостивно.
Сов тѣ здравы просит правы и слово нелицивно.
Я внима[ю] ¹⁾, рассужда[ю] ¹⁾ триумф тот богатны,
Россіи вчуд Петровъ то труд Рим благода[т]ны ²⁾.
Пролѣт х сѣ т, странѣ почти нетѣ, но чуть так усѣ ла,
Всѣ м внушая, размышля[я] ³⁾ точно нам рила.
И какъ можно неотложно, все то вдругъ

представихъ,

Его жѣ соты вся доброты всецѣ лои сѣ тѣ явихъ.

Палляда.

Тотъ твой резонъ какъ сквозъ [сонъ] ³⁾ слабо
примѣ чаю.

Что ты мнила, говорила, я не рассуждаю.
Я докажу, в том не солжу, что нам реваю.
Явить славу ⁴⁾ всю державу Россов уповаю.

Слава.

Переменить и возбранить болѣе не смѣю
В твоей волѣ, но отголѣ больше не медѣю.

Палляда.

Се узриши, что не мниши дѣло быть возможно,
Не оставлю, то представлю вскорѣ неотложно.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Шесть добродетелей, благодарять Россіи Петра
Великого, д[щерь] ¹⁾ что их прославила.

Благочестіе.

Больше всех хвалить резонно пристойно
Мнѣ имя то Петрѣ в чности достойно,
Зане онѣ в твоя вѣ дѣ мя прѣ дѣ лы
Чуденѣ слухѣ дѣ лы.

Благочестіе тебѣ воспитало,
Ты чистой вѣ ры чистое зеркало,
Ты ревность церкви и вѣ ры восточной
Нет тебѣ точной.

Ты дщерь лобзна, твоя церковь имати,
Ты непритворно храниши догматы,
И преданія соблюдаешѣ цѣ лы
Добрыми дѣ лы.

(л. 85 об.) Аще и востали на мя моя чада,
Новии Аввакумцы, рождены из ада,
Благочестіе, вездѣ не растлѣнно,
Будетѣ зажженно.

Тщаніем Петра и Елисаветы
Вскоре престанет раскол всесвирепы.
Разсѣ ютъ вовсе вредныя раздоры
Святых соборы.

тверждающий нашу догадку о том, что диалог был составлен Лятошевичем, т.е. между 1746-м и 1748 годом — это найденная недавно в Загребе тверская пьеса тоже типа панегирической декламации в честь Елизаветы Петровны, определенно датированная 1745 годом. Думается, что обе пьесы принадлежат одному драматургу — Ивану Лятошевичу. Каково историко-литературное значение тверского диалога? Отмеченные внешние достоинства пьесы — стройность композиции, обилие украшений, выдержанные стихотворные размеры — не могут скрыть недостатка у автора поэтического таланта или, по крайней мере, того подъема чувства, который оживил бы его панегирик. Главное внимание автора привлекали фигура Петра Великого и его деятельность, но вот,

например, какие стихи он посвящает прославлению своего героя:

«До Петра дни были странны
в России науки,

В Петра годы искусств роды всяк
имать без скуки.

Были дики там фабрики и заводов мало,

Чисто злато столь богато цену потеряло.

Петр удивил, егда открыл подземны проходы,

Для транспортов разных сортов
провел везде воды» и т. д.

В подобного рода стихах, конечно, гораздо больше усердия и трудолюбия, чем поэтического вдохновения, но этим не исключается историческая ценность диалога. Он интересен как прекрасно выдержанный образец школьной декламации, прочно примыкающий к старой традиции

XVII века. Это была одна из попыток продлить жизнь драматических форм минувшего века в период, когда создавался новый русский театр, постепенно догонявший достижения европейской сцены.

В. АНДРИАНОВА,
академик Российской академии наук
института истории искусств,
1923 г.

Марсь воинь.

Имя Петра безсмертно теб , о Россіе,
Возроди чудно Марса, съ Марсом дни благіе.
Мира и торжествъ в дро вдругъ ты облистало,
Кто дерзнетъ мечь простерет [и] ¹⁾ на росски [я] ²⁾
люди,

Силіи сохраняемы храбрым Марсом свсюды.
Разорилъ и разс яль вражія пр д лы.
И тако ты прославилъ безсмертными д лы.
Кто дерзнетъ болшъ пов сти попанную выю,
Сломанно и сотренно ружье на Россію.
Кто ты, Петр [а] ³⁾ храбр иша, можетъ одол ти?
На армию вс х смертей с над жной поб ды
См ль поиду, не утрашусь Петровыми сл ды.
Аще б громи рыкали и стр лы огненны
Пред глазами казались, я ⁴⁾ тут торжественны.
Столь храбрость Петрова в Марс преусп ла,
Что и ц ла вселенна пред ним побледн ла.
Петръ в Марс , а Марсь в Петр будет всепоб дны,
Пока солнце на запад присп етъ посл дни.

Палляда.

К прив тствію твоemu слово мое скудно,
Зря славу несравненну, щастіе пречудно,
Имъ же ты Богъ всещедры призр благодатны

Чрезъ имя Петръ пречудно, св том непонятно,
(л. 86) Иже егда мя в твой приве [де] ¹⁾ пр д лы,
Вдругъ славы в Россіи везд загр м ли,
Зане мною царствуют подсолнечны страны,
Мною Алнаисъ мирны состоить по брани.
В сенатахъ, кабинетахъ сужду безъ порока,
Правосудіе храня, якъ зеницу ока.
Мною Петръ, твой монаха, моря и св ть ц лы
Удивилъ и прославилъ безъсмер [т] ными ²⁾ д лы,
Дщерь отцу мною точна сердоболна мати
Обновити дни Петра и л та вс златы.
Мною гремять амвоны, гремятх музъ Парнаussy,
«Виват Петръ нашъ нас л дны» радостными гласы.
И зане мною на час слава твоя ср ти
Пребудеть всегда полна, времени им ти
Не будетъ, но хранима в род родовъ подь кровом,
Вышняго болшъ усп етъ в имени Петровомъ.

Любовь.

Петръ в ры камень чистъ любве пламень
Возл те чудно в теб , хоть трудно к Богу прямо,
В рою чисту, Христу нев сту
Сод ла нову, бо всю Петрову имя само.

Мне никтоже разлучить може:
Ни мечь остр йши, ни врагъ лют йши в в чны годы.
Всегда с тобою, в брани, в покою,